

КЭТРИН
ЧИДЖИ

Мир глазами Тамы

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(931)
ББК 84(8Нов)-44
Ч-58

Catherine Chidgey
THE AXEMAN'S CARNIVAL
Copyright © Catherine Chidgey, 2022
All rights reserved

Настоящее издание выходит с разрешения *United Agents Ltd* и *The Van Lear Agency LLC*

Перевод с английского Ольги Кидвати
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Чиджи К.

Ч-58 Мир глазами Тамы : роман / Кэтрин Чиджи ; пер. с англ. О. Кидвати. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 368 с. — (Акценты).

ISBN 978-5-389-28395-4

Марни, потерявшая из-за побоев мужа нерожденного ребенка, подобрала выпавшего из гнезда птенца австралийской сороки, выходила его и дала имя — Тамагочи. Теперь стая Тамы — не вольные сороки во главе с суровым отцом, а Марни и ее муж Роб, фермер и лучший в районе лесоруб (который, впрочем, не выносит сорок), и поет он не двухголосные песни сородичей, а повторяет человеческие фразы. Марни выкладывает «выступления» Тамы в Интернет, и слава птицы растет — у него уже десятки тысяч подписчиков. Поскольку дела на ферме идут скверно, настает момент, когда по совету сестры Марни решает монетизировать дарование Тамы. Дела в хозяйстве налаживаются, но ревнивый Роб пытается во всем контролировать жену, оскорбляет и бьет ее. События принимают совсем дурной оборот после конкурса лесорубов, и лишь Таме удастся найти выход из ситуации, хотя и не лучший...

Кстати, и всю эту глубокую, поэтичную, иногда комичную и очень правдивую историю рассказывает он сам — сорочий джентльмен в нарядном черном фраке с белой манишкой.

УДК 821.111(931)
ББК 84(8Нов)-44

ISBN 978-5-389-28395-4

© О. Кидвати, перевод, 2026
© Серийное оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

Отдай небу
Сердце, полное гнева

Джеймс К. Бакстер.
Погода высокогорья

Часть I

Край холмов и гор

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Давным-давно, когда я был птенцом, вернее, даже и не птенцом еще, а розовым голым комочком, упавшим на корни, корчащимся рубцом, ссадиной, ошметком, когда на пороге смерти я не знал о небе ничего, кроме ощущения окруживших со всех сторон перьев, теплого, словно облако, черного брюшка сверху, когда мои глаза были слепы и подобны непроросшим семенам, крошечным камешкам под кожей, когда мой клюв открывался, но тщетно, тщетно, тщетно, она взяла меня и положила к себе на ладонь. Пока она несла меня прочь, мои братья и сестры кричали вслед из нашего гнезда в высоких колючих ветвях:

— Отец! Отец! Где же ты? Вернись!

Наша мать тоже звала его отчаянным, испуганным голосом, но отец, добывая пищу, оставил нас беззащитными.

В тот первый день она пела странную человеческую песню, укладывая меня в скользкую коробку с дырочками для воздуха: «Я в тебе, чмок-чмок, души не чаю...»

Потом раздался другой голос, более низкий, голос, который я уже знал и помнил, как его обладатель прокладывал себе путь вверх по нашему дереву, к гнездышку из веток, проволоки и шерсти. И тряс нас в наших скорлупках. «Правей», и «Сидеть!», и «Датчи, Датчи, барбос, фу!». Песня про мою щеку прервалась, и та, что пела, сказала:

— Не трогай его.

— Ты учить меня вздумала, детка?

— Я сказала, не трогай его.

Коробка резко накренилась, куда-то врезалась, а я словно весь превратился в коготки, пытаюсь хоть за что-нибудь уцепиться.

— Я просто посмотреть!

Их дыхание касалось моей голой бесперой кожи. Короткий смешок ощущался как толчок, как сотрясение.

— У него нет шансов.

— Отдай крышку. Ему нужен покой.

— Ладно, но, ради бога, не придумывай ему имя. И потом не приходи ко мне плакаться.

Мне хотелось вернуться в скорлупу яйца, ощутить его защиту. Внутри скорлупы я осознавал свои размеры, то, как поджаты к груди лапки, а клюв касается крыла, как наполнен мною весь огромный мир. Я слышал изнутри, как мать говорит о солнце и ветре, которые могут жечь и тузить нас, ощущал, как она наводит порядок в гнезде, обустроивает каждый уголок, выбрасывает все острое, обо что может пораниться вылупившийся птенец. Еще я слышал голоса нашей стаи, а когда все ее члены запели разом, то почувствовал, насколько проникновенными стали ноты их песни. На острие моего клюва был костный нарост, подобие зуба, направленного на тупой конец яйца. Сестра и братья говорили со мной из глубин своих пестрых планет, призывали впустить воздух, сделать первый вдох в мягкой замкнутой тьме, и тогда я буду готов. Я слушал, как они стучат клювиками, пробивая звезды на своих небосводах.

— Сейчас? — спросил я.

— Сейчас, — прозвучало в ответ, и я зашевелился, двигаясь вместе с ними.

В скользкой коробке я лежал как камешек, и та, из-за которой я там очутился, потрогала меня, проверить, не умер ли, а потом накрыла ладошкой. Когда я согрелся, то стал просить еды. И проглатывал все то измельченное, размя-

тое и отмеренное, что она заливала мне в клюв из маленьких шприцев. Я был голодной прорвой, которой не суждено выжить, но она одним пальцем погладила мне спинку и спросила:

— Как бы нам тебя назвать?

Тогда я еще не познал света, не мог познать его, а когда мои глаза впервые открылись, я подумал, что ее ладонь — это моя мать. Через день или два я стал видеть ее волосы перьями, черными рядом с белизной висков, плеч и шеи, и понял: она меня любит.

— Оreo? — сказала она. — Суши? Домино? Или, может, ты — Панда? Или Буревестник? Нет, путаница выйдет. — Она подняла крышку коробки. — Ванилька-шоколадка?

Тот, что был с ней, тоже на меня уставился, речные камешки его глаз окружала краснота лопнувших сосудов белка. Волосы грязно-желтые, лицо загорелое, но с куриными лапками белых морщинок.

— Так и знай, если он не даст мне спать, придется свернуть ему шею.

— Он просто должен немного подрасти, а потом я его выпущу, — заверила она.

— Он еще и грязюку разведет.

— Я приучу его к порядку.

— Марни, это дикая птица. Такую не выдрессировать.

— Нет, птиц можно приучить жить в доме, когда они становятся постарше. Я в Сети читала.

— Он у нас столько времени не пробудет.

Марни что-то промычала.

— Если он останется надолго, родители потом не примут его обратно.

— Но они же нападут на меня, если попытаться сейчас подсадить его к другим птенчикам!

Пучки мягкого, как одуванчик, пуха перемежались на мне с острыми пеньками растущих перьев. Нелепое растрепанное создание, неуклюжий, словно слепленный наспех из чего попало птенец, любить которого могла лишь мать, я умогнулся на пальце Марни, как у себя дома, а она, напевая что-то себе под нос, прижала меня к груди, и я ощутил, как обретаю форму, оживаю. И начал махать крыльями. Просто чтобы понять, зачем они.

Моя скользкая коробка стояла в шкафу с водонагревателем, а сам шкаф — в прачечной, где были еще полки со спреями, ядами и белая морозильная камера. За окном раскинулись выгоны с сотнями, тысячами овец, жующих, гадящих, становящихся мясом, виднелись одинокие эвкалипты, и тополиные рощи, и громадные темные сосны, прорезавшие воздух на склоне холма черными силуэтами, которые тянули свои колючие ветки, не давая прохода солнечным лучам и ветру. Еще выше были горы, где не росло ни единого деревца. В моем шкафу лежали старые, обтрепавшиеся по краям полотенца и фланелевые простыни, истончившиеся от прикосновений тел, а горячим сердцем всего этого был цилиндр водонагревателя, он шипел и тикал. Марни оставляла дверь шкафа приоткрытой, когда укладывала меня спать, чтобы я не чувствовал себя в плену, но мне не следовало планировать побег, ведь так? Я все еще был маленьким, а бежать все еще было слишком опасно.

Однажды ночью я увидел желтоволосого за приоткрытой дверью. Он открыл морозильник и проорал:

— Сейчас все принесу, детка. Хочешь мороженое с бойзеновой ягодой?

Он сколот лед, переложил замороженные бараньи ноги. Водонагреватель шипел и тужился. Издалека донесся другой голос: «Прекращение ливня ожидается ближе к полудню, температура воздуха достигнет шестнадцати градусов».

Потом тот, кто копошился у морозильника, достал такую же скользкую синюю коробку, как моя, снял с нее крышку и выковырял оттуда какую-то кровавую мешанину. Я видел его. Он плюхнул содержимое коробки в две белые мисочки. Шлеп. Шлеп. Облизал свои огромные пальцы. Должно быть, я стал звать на помощь братьев и сестру, не помню, я видел его с коробкой, полной птичьих внутренностей, липких, темно-красных, да громадные сосны на фоне вечерних сумерек. Тут дверь открылась шире, и Марни сказала:

— Ты чего расшумелся? — А я, должно быть, все звал братьев и сестру, кричал «Помогите, найдите меня, спасите!», а потом выпрыгнул из коробки на дощатый пол и спрятался среди клочков пушистой пыли за водонагревателем. И услышал: — Не бойся, это я. Это Марни. Марни с тобой.

Тогда я понял, что звуки, которые она издает, не простые, что у них есть значение, точно так же, как у звуков моего языка.

Потом она подняла меня так, чтобы стало видно: в коробке вовсе не птичьи внутренности, но я все равно не доверял этому желтоволосому, а она твердила снова и снова:

— Марни тут. Марни с тобой.

И я понимал, что она имеет в виду.

С подоконника я видел вдали свою стаю, слышал ее и пытался угадать, кто из этих сорок мои отец с матерью: фрагменты черно-белого, светлого и темного, расстояние такое, что не рассмотреть. Однажды я вроде бы услышал, как кто-то кличет своего пропавшего птенца, но ведь каждая семья потеряла половину детишек, и все родители пытались их дозваться, так что голоса, которые до меня донеслись, могли принадлежать кому угодно.

Еще я видел в окно новых ягнят, они нетвердо стояли на ногах, а когда сосали матерей, их хвостики трепетали. А еще видел, как желтоволосый собирает дохлых ягнят и кидает в багажный ящик своего квадроцикла вместе с трупами их матерей.

— Вроде он уже достаточно подрост, а, Мар? — спросил желтоволосый.

— Пока нет, — возразила она.

До того, как взлететь, я ходил, и на воющем полу меня заносило то вправо, то влево.

— Прямо как пьяный, — сказал желтоволосый.

— Прямо как маленький ребенок, — сказала она. — Топ, топ, топают малыш.

Я вспорхнул на сиденье стальной табуретки, с него — на скользкий верх морозильной камеры. Все в этом мире было неправильным, чересчур гладким, я пробуксовывал и оскальзывался. А когда задержался на подоконнике, то подумал, что можно пройти через стекло, сквозь этот загадочный фрагмент ложной пустоты, сквозь эту игру света. Желтоволосый позволил мне удариться в окно не один раз, а целых три, пока Марни зажимала себе рот рукой, ведь я должен был учиться, правда же, а лучше всего учишься на собственных болезненных ошибках.

— Говорю же, — заметил желтоволосый, пока я пытался прорваться сквозь невидимую преграду, — точь-в-точь как пьяный.

Однако после этого он наклеил на окно силуэты птиц, которые словно бы порхали высоко в небе. Я наблюдал, как Марни развешивает белье, прищепками закрепляет его на веревке и оно полощется на жарком северо-западном ветру, издавая ритмичный шелест: шшур, шшур, шшур.

Я знал, что желтоволосый заставит Марни отнести меня обратно в сосняк на склоне холма, когда я достаточно под-

расту, а мне хотелось сразу и убраться отсюда, и остаться. Марни взяла меня, посадила к себе под куртку, застегнула молнию. Место под курткой было теплым и темным, как сама любовь, и я издал трель, пробуя свой голос.

— Еще немного, — сказала Марни, а желтоволосый ответил:

— Это ненормально.

— Ты виноват передо мной, — заявила она, на что он буркнул:

— Не начинай опять.

Возможно, я изображал полную беспомощность, чтобы сыграть на этом. Нарочно трепетал крылышками и раскрывал клюв, когда Марни приходила со своими шприцами и мягким голоском. Когда почесывала мне шею сзади. Когда сворачивала вязаный свитер в мягкое гнездышко, пахнущее шерстью, травой, древесной корой и ею. Она была очень красивая. «Я, чмок-чмок, души в тебе не чаю, на бушель и на пек тебя я обожаю...»

Хотя прачечную держали закрытой, я знал, что в доме есть и другие двери. Так уж заведено в домах. Я слышал шаги людей в замкнутых пространствах, их вопросы и просьбы: «У нас дрова кончились?», и «Не видела мою зажигалку?», и «Будь умницей, завари чайку». По ночам они всхлипывали и вздыхали, а каждое утро и каждый вечер в комнате по другую сторону стены вдруг ни с того ни с сего начинался ливень, он хлестал в такт звукам из цилиндра водонагревателя, а потом так же внезапно прекращался. Время от времени в доме начинала выть буря, она перемещалась из комнаты в комнату, и мне думалось, что она уж наверняка доберется до меня, подхватит и унесет прочь, далеко-далеко, будто какое-то семечко. Когда буря бушевала, я всегда кричал, звал Марни и не замолкал, пока все не затихало — тоже в один миг, — и тогда я лежал на спинке

у нее на руках, она покачивала меня и пела «чмок-чмок, души в тебе не чаю...», я закрывал глаза и проваливался в темноту гнезда, во времена, когда я был еще слепой и бесперый, ветви качались, а мать пела мне свою песню.

Желтоволосый сказал:

— Это не ребенок. Я боюсь, как бы ты не решила, что он — младенец.

— Я знаю, что он не младенец, — отозвалась она. — У младенцев не бывает перьев. И клювов. Младенцы не едят сырое мясо. — Она заворковала надо мной, протянула свой розовый мизинец, и я стал его покусывать.

— Если бы я мог переиграть все, что случилось, то так бы и сделал, — сказал он. — Ты знаешь, я никогда не обижу тебя, во всяком случае нарочно. Я же не монстр какой-нибудь.

— Кто хороший мальчик? — мурлыкнула она. — Кто самый лучший мальчик?

Я не был единственным животным, которого они взяли в дом: до меня доносилось блеянье осиротевших ягнят, и я видел, как Марни разводит им в тазике молоко, а потом моет бутылочки и резиновые розовые соски.

Мало-помалу она начала пускать меня в другие помещения — в кухню, холл, гостиную, — а сама шла следом со скользкой синей коробкой, которую я давно перерос.

— Ты хоть понимаешь, что выглядишь как сумасшедшая? — спросил желтоволосый, но она совала коробку мне под хвост, приговаривала «какай туда» и хвалила каждый раз, когда я так и делал, да еще и угощала всякими лакомствами, а все потому, что любила меня.

Я помню, что желтоволосый постоянно наблюдал за ней. Смотрел, как она снимает грязную одежду, или расчесывает длинные черные волосы, или подбирает мои перья и распахивает их по карманам. Время от времени он садился на

стальной табурет и смотрел, как она наклоняется к морозильной камере.

— Разве я не везунчик? — говорил он, похлопывая ее бок и причмокивая губами. А она иногда обрывала его, а иногда смеялась, садилась к нему на колени и прижималась губами к его рту, наверное, кормила. А потом они, смеясь, уходили в другую комнату, и я слышал его голос: «Марни, Марни, Мар, Мар, Мар».

Это было первое выученное мною человеческое слово, и, наверное, оно остается самым любимым, хотя я и знаю их теперь бесчисленное множество. Когда в доме становилось тихо и я оставался один, то начинал тренироваться, произнося: «Мар, Мар, Мар, Мар». Я чувствовал, как воздух наполняет меня и выходит наружу, как гудит в нижней части гортани при попытке воспроизвести этот звук. До чего же странный у них язык, неуклюжий, невнятный! В сравнении с моим он до сих пор кажется каким-то корявым. Я напрягал разные мышцы, заставлял вибрировать разные мембраны, задействовал грудную клетку, горло и даже язычок, пока не произнес верно это первое слово. А потом освоил еще одно, и еще.

Я сидел на фальшивой сосне, которую желтоволосый установил в гостиной; она сверкала искусственными сосульками и шишками, пока я пел свою утреннюю песню. За окном мне были видны настоящие деревья, из-за трещины в стекле склон холма казался раздвоенным.

Желтоволосый сказал:

— Мне все равно, детка, куда ты его выпустишь, только сделай это сегодня. *Сегодня*, Марни. Прошло уже больше двух месяцев, и я проявлял благоразумие, с этим всякий

согласится, но сил моих больше нет. Ненормально держать в доме дикое животное. Не по-доброму это. Могу поспорить, он ждет не дождется, когда сможет удрать, — а меня бы очень порадовали тишина и покой, мать их за ногу. Фестиваль на носу, мне надо высыпаться, а от этого создания с каждым днем все больше шума. С меня хватит. Ты знаешь, что эти птицы могут шуметь не хуже отбойного молотка? Я в сети прочитал. Представляешь себе отбойный молоток, Марни? Вряд ли нам такое понравится. Мириться с этим и дальше просто глупо. Я так долго терпел, потому что люблю тебя и, да, действительно провинился перед тобой, но на полотенцах для лица помет, Мар. И на кухонных полотенцах тоже. Это вредно для здоровья.

Я перестал петь и перескочил с фальшивой сосны на палец Марны. Я не доверял желтоволосому, и правильно поступал.

— Иногда он гадит куда не надо, — признала Марни, — но теперь этого почти не случается.

— Все равно, — стоял на своем желтоволосый.

Она застегнула молнию кофты, так что я оказался под тканью, чувствуя биение ее сердца.

— Вот, я именно про это, — сказал он.

— Хорошо, — кивнула Марни, — ладно, Роб. Будь по-твоему.

Потом мы вышли из дома, только я и она, потому что у желтоволосого были какие-то дела, но вечером он собирался смотаться в город за китайским чаем, как ей такая идея?

За ярким, как желток, домом ветер принялся трепать мои перья, взъерошил волосы Марни. Каждый звук был отчетливо слышен. Скрип покачивающейся бельевой веревки, шелест ветвей сосен на склоне холма. Шорох сухой, отмершей коры эвкалипта. Скулеж сидящей на цепи черной с под-

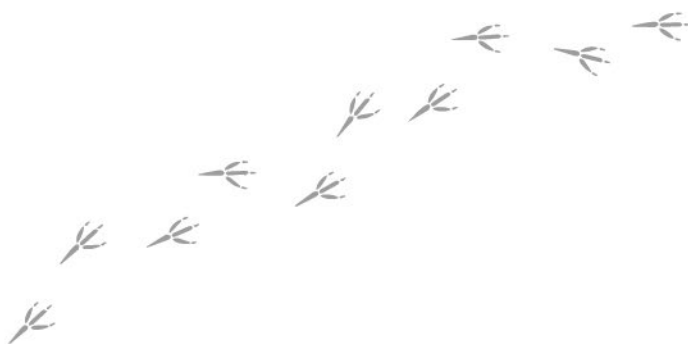
палинами собаки. Постепенно затихающий кашель квадроцикла или старого мотоцикла. Неслаженное чавканье, его издают челюсти овец, которые ходят из стороны в сторону, движутся вкривь и вкось. И птичий гомон отовсюду: чириканье воробьев, жаворонков и дроздов, щебет скворцов, пение птицы-колокольчика. Шелест крыльев веерохвостых голубей, которые ловят в воздухе насекомых. Щеврицы щелкают хвостиками на одной-единственной ноте. И над этими звуками, громче всего, сорочий гомон. Их песни, которые я слышал из дома, окружали теперь меня, обрушивались со всех сторон, каждая из сорок резко переходила с октавы на октаву, стрекотала, булькала, посвистывала, издавая по две ноты разом. Я различал крики о помощи, сигналы тревоги, сообщения о пище и радостное пение. «Мы тут, это наше дерево, оно принадлежит нам, и мы на нем, а тебе лучше убраться, и немедленно». Надеясь услышать родителей или других птенцов из моей семьи, я поворачивал голову на каждый новый голос.

— Вот тут подходящее место, — сказала Марни и посадила меня в тени сосен среди извивающихся корней. — Держись подальше от собак, — велела она мне, — и от дыр в проволочных оградах. И особенно от вишневых садов, там кругом ловушки.

Она достала из кармана пакетик со свежим фаршем, и мне вспомнилось, как родители приносили еду нам в гнездо, а мы с братьями и сестрой вопили так, что даже камни прослезились бы, ощущая, что в гнезде появилось нечто теплое, трепещущее. Вспомнилось, как они кормили нас всех по очереди, никого не выделяя. Я открыл клюв и ждал, когда Марни меня покормит, но ее рука, рука, которая казалась мне матерью, рассыпала фарш по земле. И указала на него. Подтолкнула в его сторону. Ниже на холме ягнята переходили с одного выгона в другой, собаки гнали их в ворота.

Роб свистнул псам. Но куда это направляется Марни? Почему она отступает? И почему всхлипывает, всхлипывает, всхлипывает?

А потом в вышине раздались стрекотание и скрежет, всплеск черных крыльев, промельк белизны, ржавый взгляд устремился на Марни: «Прочь, прочь, прочь отсюда, глаза выдолблю, выпью кровь, расклюю кости». Он ринулся вниз как ураган, как божество: мой отец. Он будто с цепи сорвался.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Люди плохо говорят о сороках. Мол, у нас души сплетников. И в клювах у нас по капле крови дьявола. Что встреча с сорокой к неудаче, или к беде, или к смерти. Люди болтают, будто мы отказались укрыться в ковчеге, а вместо этого сидели у него на крыше и смеялись над потопом. Будто мы были единственными птицами, которые не пели во время распятия Христа. Сороки забираются в тела коров и овец, а потом клюют их изнутри. Сороки крадут все, что блестит. Ведьмы летают на свои буйные шабашы верхом на сорочьих хвостах. Чтобы сорока заговорила, нужно надрезать ей язык изогнутой шестипенсовой монеткой.

Я еще не знал этих поверий в тот день, когда, дрожащий и неуверенный, прятался в сосняке, но понимал, что не могу считать себя хорошим. Я ретировался, когда на ту, что меня спасла, напали. Нашел себе укрытие и оставил ее на разтерзание отцовским когтям и клюву. Сидел и помалкивал. Съежился на высокой ветке и думал, что, может, отец меня не найдет, что я просто растворюсь в воздухе среди хвойной ряби. Я смотрел, как он атаковал Марни, ее лицо кровоточило, и руки тоже, сверху она казалась такой маленькой, словно приплюснутой, и все кричала: «Роб, Роб, Роб», а когда отец наконец оставил ее в покое, в клюве у него развевалась, волочась за ним следом, прядь черных волос, в два раза длиннее его тела. Он приземлился у подножия моего дерева и стал вышагивать по сухой опавшей хвое, и глаза у него были такими же красными, как она, даже еще крас-

нее. Отец возвестил всем, кто мог его слышать, о своей победе, и его аудитория запела в ответ.

Другая сорока с таким же окрасом, как у меня, еще сохранившая серые перышки слетка, скользнула по ветке ко мне поближе.

— Ты мой брат? — спросила она, и я знал: так оно и есть. Она сказала:

— Никто никогда не возвращается. Всех настигает смерть от холода. Смерть от голода. Смерть от проволоки. Смерть от болезни. Смерть от яда. Смерть от зубов собаки. Смерть от высоковольтных проводов. Смерть от машины. Смерть в ловушке. Смерть от пули. Смерть от падения. Ты упал и вернулся. Никто не возвращается. — Она смотрела на меня и не моргала.

— Не говори ему, — прошептал я.

— Что? — спросила она. — Что, что, что?

И тут отец посмотрел вверх и увидел меня, и я подумал, что он выдолбит мне глаза, выпьет кровь, расклюет кости, ведь он же этим грозился. Но он не был монстром. Он провозгласил:

— Вот мой сын. Мой сын вернулся из смерти. Он выпал из гнезда, но не погиб. Мой сын живой. Иди ко мне. Иди, иди, иди.

Сестра вспорхнула с ветки и устремилась к нему. Ее немного занесло во время приземления, но она выровнялась. Я никогда не летал с такой высоты вниз, только падал, но, последовав за сестрой, чувствовал, что воздух держит меня, подобно стеклянным рукам. На земле я тоже заскользил на хвоинках, а когда остановился, отец как раз склевывал остатки фарша. Я разинул клюв и издал требовательный, молящий крик, готовясь к тому, что меня сейчас накормят, меня, сына, который воскрес из смерти; мясо было розовым, прекрасным, я разинул клюв еще шире и заверещал

еще громче, твердя: «Мой черед, мой черед», но сестра позади меня не просила еды. Она смеялась.

Отец сглотнул, и остатки мяса из дома исчезли в его глотке.

— Ты слишком большой, чтобы тебя кормить, сынок, — сказал он и клюнул меня в бок.

— Где моя мама? — спросил я.

— Погибла. Смерть от машины, — ответила сестра.

— А мои братья?

— Смерть от холода.

— Теперь тихо, — сказал ей отец, и они вместе сделали несколько медленных шажков, внимательно вглядываясь в траву. Остановились, уставились на что-то, и сестра повернула голову, устремив левый глаз к земле, затаив дыхание, прислушиваясь. Потом ее клюв нырнул вниз и выудил откуда-то извивающуюся белую личинку.

Я принадлежал к своему племени и не принадлежал, был птицей и не птицей. Я узнал, как все заведено в дикой природе: как нужно искать убежище, какими голосами кричат взрослые, когда на нашу территорию пытается вторгнуться другая стая. Я научился, как нужно себя вести. Знал свое место. Научился перескакивать через октавы и выпевать две ноты разом. Конечно, я мог разговаривать со своей птичьей семьей: звуки ее речи рождались во мне так естественно, что думать почти не приходилось, а если я пытался произносить человечески слова, они застревали где-то внутри, как грустные воспоминания. Сестра научила меня приземляться на ветку, столб изгороди и даже на проволоку, не теряя равновесия. Я сидел рядом с ней, глядя в никуда, раскрыв клюв, повернув голову и распушив перья, чтобы тепло солнца, вы-

КЭТРИН ЧИДЖИ
МИР ГЛАЗАМИ ТАМЫ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Янина Забелина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 01.12.2025.
Формат издания 60 × 84 1/16. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 21,39. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®.	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. ш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-AET-37411-01-R